

ЭМИЛИ
ДИКИНСОН

СТИХОТВОРЕНИЯ

МОСКВА

УДК 821.111-1
ББК 84(4Вел)6-5
Д45

Художественное оформление
и иллюстрация А. Кроник

Д45   **Дикинсон, Эмили.**
Стихотворения / Эмили Дикинсон ;
[перевод с английского Г. М. Кружкова]. —
Москва : Эксмо, 2026. — 272 с.

ISBN 978-5-04-229631-4

Эмили Дикинсон — одна из самых загадочных фигур американской литературы XIX века. В её поэзии, сдержанной и предельно насыщенной смыслом, звучат размышления о жизни и смерти, природе и бессмертии, вере, одиночестве и внутренней свободе.

Переводы Григория Кружкова бережно сохраняют смысловую плотность и интонационную хрупкость оригинала, передавая особую музыкальность, парадоксальность и внутреннее напряжение поэзии Дикинсон.

УДК 821.111-1
ББК 84(4Вел)6-5

© Кружков Г. Перевод., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-229631-4

ЭТА СТРАННАЯ МИСС ДИКИНСОН

В апреле 1862 года произошло, казалось бы, мелкое и обыкновенное событие, которое стало одной из самых памятных вех в истории американской литературы. Писатель и журналист Томас Хиггинсон из Бостона получил письмо от неизвестной ему читательницы. К письму были приложены четыре стихотворения, а начиналось оно так:

МИСТЕР ХИГГИНСОН, — если только Вы не слишком заняты, скажите, есть ли жизнь в моих стихах? Мой ум слишком близок к себе самому, он не может ясно видеть, а спросить мне некого. Если Вы сочтете, что они дышат, и найдете время написать мне, ответом будет моя живая благодарность.

Такова была первая попытка выйти к читателям, может быть, лучшей поэтессы, когда-либо писавшей на языке Шекспира.

Обратите внимание на то, как автор письма с же первой фразы попадает в цель. Она не спрашивает, хорошие это стихи или плохие, есть у меня способности или нет, и так далее — как обычно спрашивают начинающие поэты. Вопрос нацелен в самую точку: живые стихи или мертвые? Быть живой — главное свойство настоящей, «долгоиграющей» поэзии. Великий поэт не так уж сильно выделяется среди своих современников; наверняка среди них есть не менее образованные, умные, оригинальные и обладающие прекрасными душевными качествами люди. Но их рука и перо не могут, соединившись, стать *сверхпроводником*, соединяющей душу пишущего и бумагу. Только поэт обладает этим загадочным свойством — одушевлять столбики букв и наделять их самостоятельной жизнью — так, чтобы они могли существовать и беседовать с нами многие десятилетия после того, как навсегда замрет написавшая их рука.

Биографическая канва жизни Дикинсон проста и известна во всех подробностях. Ее семья занимала почтенное положение в своем маленьком городке в штате Массачусетс. Дед Эмили был одним из основателей Амхерстского колледжа, отец служил казначеем колледжа, одновременно занимаясь адвокатской практикой и политической деятельностью — однажды он даже избирался в Палату

представителей Конгресса США. Выросшие дети не разлетелись из гнезда: старший брат Остин, женившись, жил в соседнем доме, младшая сестра Лавиния, как и Эмили, не вышла замуж.

Главным событием молодости Эмили Дикинсон стала дружба с молодым адвокатом Бенджамином Ньютоном, проходившим практику в конторе ее отца. Он руководил ее чтением, учил восхищаться великой поэзией, понимать красоту и величие мира. В 1850 году он уехал из Амхерста, а три года спустя умер от туберкулеза. Много позднее Дикинсон вспоминала: «Когда я была еще совсем девочкой, у меня был друг, учивший меня Бессмертию, — но он отважился подойти к нему слишком близко — и уже не вернулся».

В разлуке с Ньютоном у Эмили созрела мысль посвятить свою жизнь поэзии. Но после смерти старшего друга источник ее стихов пересох. Новое дыхание пришло в конце 1850-х годов, в разгар ее эпистолярного романа с женатым священником из Филадельфии Чарльзом Уодсвортом. Была ли это любовь, душевная привязанность или мистическая близость, ясно одно — это было чувство исключительной интенсивности. Оно породило настоящий творческий взрыв: подсчитано, что только за три года, с 1862 по 1864-й, ею было написано более семисот стихотворений.

В том же самом 1862 году случилось так, что Эмили Дикинсон завязала переписку с известным в Новой Англии литератором Томасом Хиггинсоном, ставшим на многие годы ее постоянным корреспондентом и «поэтическим наставником», а также издателем первого ее сборника стихов — но уже после смерти поэтессы.

Я взял слова «поэтический наставник» в кавычки, потому что их отношения были своеобразны: в каждом письме Эмили просила у Хиггинсона оценки и совета, назвала себя смиренной ученицей, но ни разу не воспользовалась его советами и продолжала все делать по-своему. А он указывал на просчеты и огрехи в ее стихах — неправильные ритмы и рифмы, странную грамматику — всё, что было индивидуальной, во многом новаторской манерой Дикинсон и что сумели адекватно оценить лишь критики XX века.

Литературное наследие Эмили Дикинсон — около тысячи восьмьсот стихотворений, большая часть которых была найдена в комодe после ее смерти, и три тома писем, многие из которых не менее замечательны, чем ее стихи. Особенно интересны первые письма Томасу Хиггинсону, в которых она сообщает некоторые штрихи к своему портрету, чтобы собеседник мог ее себе представить. Вот некоторые из этих штрихов.

Внешность:

«Я не вышла ростом, как мне кажется... Я маленькая, как птичка-крапивник, и волосы у меня грубые, как колючки на каштане, а глаза — как вишни на дне бокала, из которого гость выпил коктейль. Ну, как?»

О друзьях и занятиях:

«Вы спрашиваете о моих товарищах. Холмы, сэр, и Закаты, и пес — с меня ростом — которого купил мне отец... Думаю, Карло понравился бы Вам — он храбрый и глупый... Когда я маленькой девочкой часто ходила в лес, мне говорили, что меня может укусить змея, что я могу сорвать ядовитый цветок или что гномы могут меня похитить, но я продолжала ходить в лес и не встречала там никого, кроме ангелов, которые меня стеснялись больше, чем я их...»

О своих стихах:

«Я не писала стихов — разве что одно или два до этой зимы, сэр. Я испытывала страх — начиная с сентября — и не могла никому рассказать об этом — и я пою, как мальчишка поет на кладбище, потому что боюсь...»

До двадцати пяти лет Эмили была обычной культурной барышней, ничем особенно не выделявшейся из своего круга; но чем глубже она погружалась в писание стихов, тем больше ее внутренний мир вытеснял внешний. С 1864 года она уже не покидала Амхерст, с 1870-х практически не выходила из дома. Одной из причин была болезненная стеснительность, следствие обостренной чувствительности, — она воспринимала всё так остро, что прямой контакт с внешним миром ранил ее.

Да и к чему экипажи и поезда, если воображение может гораздо больше?

Страницы книги — паруса,
Влекущие фрегат,
Стихи быстрее скакуна
В любую даль умчат...

Так постепенно она превращалась для соседей и знакомых в «эту странную мисс Дикинсон», — впрочем, неизменно доброжелательную к людям, но предпочитавшую жизнь добровольной затворницы. Нет, она не разорвала связей с миром, но они все более принимали эпистолярный характер. Свои стихи она писала не только «в стол», у ней был целый круг друзей, которым она регулярно, начиная с 1860-х годов, посылала новые стихо-

творения, некоторые — сразу по нескольким адресам.

Похожей русской поэтессы нет. Иногда в качестве таковой называют Марину Цветаеву. Так может показаться — из-за тех же их знаменитых тире, которых много и у Марины, а Эмили вообще сыплет ими постоянно. Но, по сути, сходства не слишком много. Это совершенно другой театр, с другим директором и другой предполагаемой публикой. Одна (если использовать сравнение Блока) пишет так, как будто на нее смотрит мужчина, а другая — как будто на нее смотрит Бог.

Андрей Гаврилов в своих заметках на полях перевода пишет: «Цветаева только стремилась в ту мансарду духа, в которой Э. Д. прожила всю жизнь, не подозревая, что кому-то может быть завидна ее доля».

И все же, при всей разнице, в чем-то они похожи. Во-первых, в страстности, в силе темперамента: у Дикинсон — сдерживаемого, у Цветаевой — нарочно распаляемого. И еще в складе мышления «от обратного», в упрямстве противостояния миру. Из-за этого случаются удивительные совпадения. Например:

Любовь, любовь,
Вселенская ересь двух!

(М. Цветаева, 1923)

Одна — отраднейшая — есть
Из ересей земных —
Друг друга в веру обратить —
В Религию Двоих.

(Э. Дикинсон, 1862)

Судьба Эмили Дикинсон похожа на сказку о Золушке. Это история скромной, никому не известной девушки, в финале сделавшейся принцессой: любимый сюжет популярной литературы и кино, мгновенно доходящий до сердца любого простого американца. Несомненно, в любви широкого читателя к Эмили «повинны» не только ее стихи, но и этот узнаваемый сюжет, этот архетип, подсознательно влияющий на наше восприятие.

Жизнь не была справедлива к Эмили. Ни путешествий, ни замужества, ни своей семьи. Уединенная жизнь в маленьком городке, из которого Эмили практически никогда никуда не уезжала. При необычайном поэтическом даре — полная безвестность; а ведь она знала себе цену — легко ли было такое вынести? Как говорила добрая фея в сказке Евгения Шварца: «Очень вредно не ездить на бал, когда ты этого заслуживаешь».

Никто меня не звал — на Бал —
И я тогда сама
Устроила свой скромный Пир —
Из Крох — он был сперва

Довольно скудным — но потом —
Стал Пиршеством — таким —
Что даже Красногрудый дрозд —
Как скромный Пилигрим —

Уже и сам — никем не зван —
Пожаловал сюда —
А — может — Ягодку и вам
Подбросить — господа?

Фея, Золушкина крёстная, в конце концов, превратила для нее тыкву в карету и крысу в кучера. А для реальной Эмили и бал, и прекрасный принц случились уже посмертно, за рамками земной жизни...

Поразительно, что поэт такого масштаба остался неизвестным и непризнанным современниками. Но что такое современность, в конце концов? «Человек современен лишь Богу», — сказал поэт Александр Величанский, один из лучших русских переводчиков Эмили Дикинсон. Думается мне, что даже Бог был для нее, прежде всего, символом бессмертия. И какой-то загробной справедливости — какой, кто это может знать? Может быть, бессмертные стихи и есть такая справедливость и возмещение всех земных обид. Но дается она нелегкой ценой.

* * *

Далеко Господь уводит
Своих лучших чад —
Чаще — сквозь терновник жгучий,
Чем цветущий сад.

Не рукой — драконьим когтем —
От огней земных —
В дальний, милый край уводит
Избранных своих.

Бытует мнение, что поэт должен быть, прежде всего, оригинален, что всякие влияния принижают его ранг и значение. Часто цитируют верлибр Бориса Слуцкого: «Солнечные батареи и большие поэты работают прямо от солнца. А маленькие поэты и все другие батареи нуждаются в подзарядке: подзарядке славой, подзарядке чужими стихами и так далее» (цитирую по памяти). Впрочем, было бы наивностью принимать эти слова чересчур буквально. «Прямо от солнца» можно получить разве что загар или солнечный удар, а настоящий поэт всегда зависит от своих предшественников; влияния не умаляют его и не усредняют. Наоборот, без влияний не может быть и оригинальности.

Случай Эмили Дикинсон служит хорошим примером. Всю жизнь она прожила вдали от литературных центров, без общения с собратьями-поэтами. Ее поэзия будто бы «самозародилась» в одиночестве и общении с природой. Но это не совсем так. У Эмили был свой круг сочувствующих друзей, которым она постоянно слала свои стихи (и получала отклики!), а главное, у нее были любимые книги. В ее письмах упоминаются больше сотни имен поэтов — от Шекспира до ее современников.

Но одно имя было вне конкуренции. Именно Шекспир был главным собеседником Эмили и решающим фактором ее поэтического роста. Подтверждения тому мы находим в десятках цитат из ее писем, начиная со знаменитого восклицания: «Зачем нужны другие книги, когда есть Шекспир?»

Самая ее главная черта — подвижный, парадоксальный ум. Поэзия Эмили Дикинсон так же, как метафорическая речь шекспировских персонажей, не «течет сама в рот», а требует встречного усилия для понимания. Но это усилие вознаграждается.

...У одного латиноамериканского писателя есть такая замечательная фраза: «*Подлинные произведе-*